

**ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ МАЛЫХ СОЦИУМОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЭТНИЧНОСТИ ЯЗЫКОВОГО СОДЕРЖАНИЯ**

*Работа представлена кафедрой немецкой филологии
Санкт-Петербургского государственного университета.*

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор Н. Д. Светозарова

Статья написана по результатам работы над диссертационным исследованием «Языковые особенности островного фольклора немецких колонистов в России» и содержит обзор работ, рассматривающих язык как культурный код нации, в приложении к языку немецких колонистов в России.

Ключевые слова: немецкие колонисты, культурный код нации.

This article is based on the insights gained by the author in the thesis «Language-Related Aspects of Island Folklore of German Settlers in Russia». It provides a review of works discussing the language as a nation's culture code as applied to the language of German settlers in Russia.

Key words: German settlers, nation's culture code.

Язык рассматривается в современной лингвистике как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания. Фундаментальные основы такого подхода были заложены трудами В. Гумбольдта, А. А. Потебни¹ и других ученых. Изучения В. Гумбольдта о внутренней форме языка исходит концепция идиоэтничности языкового содержания Л. Вайсгербера². Первые попытки определения данного понятия Вайсгербер дает в начале 1930-х гг. в своей статье «Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache, Denken und Handeln» («Связь между родным языком, мышлением и действием») (1930), где он, следуя словоцентрическому подходу, который сохранился у ученого и в дальнейших работах, писал: «Словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества»³.

Л. Вайсгербер пользовался термином «картина мира» уже в своей программной монографии «Родной язык и формирование духа», опубликованной в 1929 г. и вышедшей в русском переводе в 1993 г.⁴, однако употреблял его в несколько ином значении, чем через некоторое время, не относя его к языку как таковому. В данной работе Вайсгербер подчеркивал ту роль, которую язык играет при формировании у человека об-

щей картины мира: «Он (язык. - Л. П.) позволяет человеку объединить весь опыт в единую картину мира и заставляет его забыть о том, как раньше, до того, как он изучил язык, он воспринимал окружающий мир»⁵. В своих первых работах Вайсгербер говорил только об отражении картины мира в слове, но несколько позже, в 1931 г., в статье «Sprache» («Язык») он вписывает понятие картины мира в содержательную сторону языка в целом, называя картиной мира конкретного языка духовное содержание, сокровище знаний в языке конкретного сообщества. Несколько позже ученый стал подчеркивать субъективно-национальную, идиоэтническую сторону языковой картины мира, говоря о том, что в каждом языке представлена особая точка зрения на мир, свойственная народу, создавшему данный язык. Главный постулат философии языка Л. Вайсгербера состоял в том, что попытки людей освободиться от власти родного языка всегда обречены на провал. Он не признавал объективный путь познания. В этом с ним соглашался Б. Уорф. Последний писал: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном - языковой системой, хранящейся в нашем сознании»⁶.

В лингвистике долгое время спорили о том, является ли язык особой реальностью или лишь отражает ту реальность, в которой живет человек. Споры эти не утихли до

сих пор. Если не вдаваться в крайности, то очевидным является хотя бы тот факт, что язык не просто отражает реальность, но и интерпретирует ее, однако было бы более корректно говорить о том, что человек при помощи языка имеет возможность интерпретировать свое восприятие реальности. Такое понимание нашло свое отражение в работах А. Р. Лурии, который пришел к выводу о том, что «наличие общих теоретических понятий, которым подчинены практические знания, создает логическую систему кодирования. Теоретическая мысль, развиваясь, все более усложняется и приобретает сложную абстрактную структуру. Система логических и грамматических структур функционирует в качестве основы суждения; эта система также включает более сложные словесные и логические «приемы», позволяющие выполнять операции по дедукции, не опираясь на непосредственный опыт»⁷. К таким выводам Лурия пришел в результате экспериментов, проводившихся им в Средней Азии в 30-е гг. прошлого века с целью определения зависимости интеллектуального развития людей от их культурного и социального положения. План научной экспедиции в эти районы был составлен с помощью другого известного российского психолога, Л. С. Выготского. Сначала ученые выясняли, каким образом испытуемые на лингвистическом уровне кодируют такие основные категории своего визуального опыта, как цвет и форма; затем они изучали процессы классификации и абстрагирования. Конечной стадией исследования было изучение способности к самоанализу, а также умение решать словесные задачи. В результате была обнаружена четкая зависимость организации познавательной деятельности от уровня общественной организации трудовой жизни. Кроме того, ученый исследовал также процессы категориального мышления и выяснил, что «категориальное мышление является не просто отражением лич-

ного опыта, оно отражает общественный опыт, выраженный посредством речевой системы. Таким образом, по мере овладения языком, грамотой функционально-образные операции мышления заменяются семантическими и логическими операциями, в которых слова становятся основным средством абстрагирования и обобщения»⁸. В ходе исследований Лурия сделал вывод о том, что «перестройка организации мышления может произойти за относительно короткое время при наличии достаточно резких изменений социально-исторических условий»⁹.

В результате данных теоретических и практических изысканий на стыке лингвистики и культурологии возникла новая отрасль знания, исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке, названная лингвокультурологией. Данная наука исследует, как культура формирует и организует мышление языковой личности, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка как орудия создания, развития, хранения и передачи культуры. В монографии В. А. Масловой «Лингвокультурология» язык рассматривается как путь, благодаря которому можно проникнуть в ментальность любой нации, как современной, так и древней, изучить ее воззрения на мир, общество и саму себя.

Настоящая статья отображает изучение проблематики реализации культурного кода нации в малых группах на примере так называемых островных диалектов немецких колонистов в России начала XX в. На материалах «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского, который включает 3000 песен, строится практическое исследование языка и языковой ментальности немецких колонистов.

Для немецких колонистов в России особенно важным было сохранение своей веры и языка, так как они способствовали осознанию ими своей национальной самобыт-

ности. В этом колонисты отличались от тех немцев, которые прибывали в Россию на протяжении столетий для работы или в качестве представителей княжеских и королевских родов, которые заключали семейные союзы и переходили в православие, отказываясь от протестантской или католической веры, символа их немецкого происхождения и самосознания. Предпосылками для сохранения языкового острова было то, что немецкие общины были социально однородными, закрытыми, осознающими себя культурно самобытными сообществами, намеренно отделяющимися от иного окружения. Смешанные браки не приветствовались даже среди немцев разного вероисповедания. Изучение языка песен немецких колонистов показывает наличие тенденции к использованию слов языка окружения. Поскольку словарный состав языка является в достаточной степени открытым для свободного варьирования и лексико-семантические категории не носят замкнутого характера, сло-

варь любого языка постоянно меняется, а в условиях коллективного двуязычия влияние одного языка на другой может достигать огромных размеров. В текстах колонистских песен данная особенность проявляется в большом количестве русских слов, встречающихся либо отдельно в немецком контексте, либо в русских словосочетаниях или отдельных фразах. Употребление русских слов зависит в первую очередь от шуточного характера песен, в которых намеренно смешиваются два языка с целью достижения комического эффекта. Появление русских слов связано, как правило, с контекстной ситуацией диалогичное™ или противопоставления разных понятий, разделенных по принципу национальной принадлежности. Данные выводы говорят о возникновении проблемы языковой интерференции, которая стала однако очевидной лишь в конце XIX в., когда начались внутривосточные изменения в России, приведшие к ограничению национальных прав и свобод немцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. труды по языкознанию. М., 1984; Он же. Язык и философия культуры. М., 1985; Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976; Он же. Теоретическая поэтика. М., 1990; Он же. Из лекций по теории словесности. Лекция восьмая // Русская словесность: Антология. М., 1997; Он же. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.

² Вейсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993; Он же. Язык и философия // Вопросы языкознания. 1993, № 2.

³ Цит. по: Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М., 1997. Т. 1. С. 250.

⁴ Вейсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа.

Там же. С. 51.

⁶ Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 174.

¹ Лурия А. Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

⁸ Там же.

"Там же.